Археологические вести

— 28 —

Archaeological news

28
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

28
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 28** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 463 с.: ил.

Очередной специальный номер журнала «Археологические вести» посвящен памяти Евгения Николаевича Носова — крупного ученого в области средневековой археологии и истории Северной Руси и Балтийского региона. В мемориальной части рассматривается его научный и научно-организационный вклад в развитие отечественной археологии. В одном из разделов собраны работы по теме древнего Новгорода. В другом — обсуждается широкий круг вопросов и проблем, связанных со средневековыми памятниками Восточной Европы. Отдельно выделены статьи по истории, архитектуре и этнографии. Среди авторов журнала — исследователи из различных центров России, Франции, Великобритании и Ирландии.

This special yearbook of “Archaeological News” is dedicated to the memory of Evgeniy Nikolayevich Nosov — a prominent scholar in mediaeval archaeology, the history of Northern Rus' and the Baltic region. In the memorial section of this collection, his scientific and organizational contribution to the national archaeology is considered. In one of the sections, the works on the early Novgorod are presented. In the other, a wide circle of questions and problems concerned with mediaeval sites of Eastern Europe is discussed. A particular section includes articles on history, architecture and ethnography. The authors are represented by researchers from different centres of Russia, France, Great Britain and Ireland.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — Древнерусское кольцо (золото). Рюриково городище, раскопки 1985 г.
First page of cover — Old Russian ring (gold). Rurik gorodishche, excavations in 1985

Четвертая страница обложки — Общий вид на Рюриково городище во время весеннего паводка
Fourth page of cover — General view of Rurik gorodishche during a flood

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Новый взгляд на старую коллекцию

А. В. Курбатов¹

Аннотация. Работы 1994 и 2001–2004 гг. на Рюриковом городище дали интересную коллекцию изделий из кожи, преимущественно кожаной обуви. Хронологический диапазон находок — от рубежа IX–X вв. до XIII–XIV вв. Основная часть предметов может быть отнесена к рубежу XI–XII вв. Эта коллекция отражает различные периоды жизни на Городище и специфику жизнедеятельности этого поселения. В первую очередь, кожаные изделия надо рассматривать как индикатор сложения и развития самостоятельного ремесленного производства в Новгороде и Новгородской земле. Конструктивный и стилистический анализ обувных конструкций в сочетании с оценкой всего массива кожаных предметов, включая обрезки, позволяет выделить один из основных переломных моментов в организации кожевенного ремесла в Новгороде. Этот переломный момент отражается и в других материальных свидетельствах по различным ремеслам и домостроительству в Новгороде в середине — второй половине XII в. Высказано мнение и обоснование того, что социально-политическая борьба в Новгороде 1130-х гг. должна была иметь в основе закрепление определенных прав торговой и ремесленной групп населения в сфере производства и реализации всей ремесленной продукции, как в самом Новгороде, так и за его пределами.

Annotation. The excavations of 1994 and 2001–2004 at Rurik Gorodishche (Rurik's Hillfort) have yielded an interesting collection of objects from leather, particularly leather footwear. The chronological range of the finds is from the turn between the 9th and 10th centuries to the 13th–14th century. Most of the finds are datable to the turn of the 11th/12th centuries. This collection reflects different periods of occupation of Gorodishche and the specifics of the life activities at this settlement. The leather objects should be considered primarily as an indicator of the formation and development of an independent manufacture in Novgorod and the Novgorod Land. Morphological and stylistic analysis of the footwear patterns combined with evaluation of the entire mass of the leather objects, including the scraps of leather, allows us to identify one of the basic critical moments in the organization of the tanning craft in Novgorod. This crucial moment is reflected also in other material evidence of different crafts and house building in Novgorod in the middle — second half of the 12th century. There has been proposed an opinion and substantiation of the fact that the social and political struggle in Novgorod of the 1130s must have had in its basis the securing of certain rights to the trade and manufacturing groups of the population in the sphere of manufacture and realization of the entire handicraft production both in Novgorod itself and beyond its limits.

Ключевые слова: средневековые кожаные изделия, кожевенное ремесло Новгорода, торговля, правовое положение ремесленников.

Keywords: mediaeval leather products, tanning handicraft in Novgorod, trade, legal situation of craftsmen.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-111-123

Введение

В 1997–2004 гг. Новгородская областная экспедиция ИИМК РАН под руководством Е. Н. Носова проводила раскопки на северном берегу Сивер-

сова канала, на участке мысовой части поселения, примыкающей с юга к валу Рюрикова городища. Раскопки на этом участке позволили исследовать различные комплексы деревянных сооружений конца IX — X в. и XI–XIII вв. и дали большое количество средневековых находок широкого хронологического диапазона (Носов, 1990. С. 37–47).

¹ Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

В 2001–2004 гг. на раскопе № 2 было собрано 463 кожаных предмета и один фрагмент войлока, происходящих из древнего слоя коричневого цвета, насыщенного органикой, лежавшего в заполнении рва и не переотложенного в дальнейшем. Большинство вещей из слоя датируется XI–XII вв. Кроме того, восемь предметов найдено в заполнении позднейших ям и гумусированном слое X в. На данном участке были найдены различные изделия этого же времени, а полученные дендродаты относятся к рубежу IX–X и XI–XII вв. (Носов и др., 2001. С. 11–15; Носов и др., 2003. С. 19–23).

В процессе обработки материалов был сделан ряд наблюдений и высказаны предположения об особенностях данной коллекции кожаных предметов (Курбатов, 2007. С. 89 и сл.). Раскопки последнего времени в Новгороде и других местах, а также более углубленное изучение средневекового кожевенного производства позволяют подтвердить и расширить сделанные ранее выводы. Можно определенно говорить, что коллекция кожи из заполнения рва Рюрикова городища стала одним из базовых материалов для изучения обширной темы кожевенного ремесла средневековой Руси.

Наблюдения

К изделиям новгородского сапожного ремесла на Городище относятся поршни, «комнатные туфли», сапоги и большинство найденных мягких низких туфель. Они находят многочисленные аналогии в коллекциях русских городов лесной зоны. «Комнатные туфли» как массовый вид городской обуви впервые выделены в Твери (Курбатов, 2004а). Особенность городищенской находки 2002 г. — ее обнаружение в наиболее ранних слоях (Курбатов, 2004б. С. 221, рис. 2, 1). Этот образец состоит из шести деталей, при этом основная деталь охватывает всю стопу от носка до пятки, тогда как дополнительные служат только для увеличения толщины обуви и стойкости к износу (рис. 1). Детали аналогичной обуви найдены в Новгороде и Старой Руссе, где они датируются второй половиной XI — XII в. Я. В. Антропова интерпретировала подобные туфли как специальную погребальную обувь (Антропова, Торопова, 2001. С. 245, 255; Антропова, 2003. С. 267–271).

«Комнатные туфли» из раскопа 2004 г. на Рюриковом городище надо считать дальнейшим развитием конструкции низкой обуви со швом

на подошве, встреченной в 2002 г. Здесь мы видим дальнейшую стандартизацию и рационализацию кроя, которая выразилась в создании двучастной модели, состоящей из передней и задней половин. Каждая из деталей охватывает и верх, и подошвенную зону стопы (рис. 2). Такая обувь предполагает использование максимально толстой кожи, поскольку быстрый износ подошвенной части означает порчу всего большого куска кожи для раскройки. В данной коллекции толстая кожа использована только на одной модели. Преобладание тонкой кожи позволяет сближать время ее пошива с многочисленными моделями первой четверти XII в. и ориентировочно относить ко второй–третьей четверти XII в. На это же указывает и использование кожаных обор для удержания обуви на стопе, что позднее не делали. Сложившийся в это время стандарт раскроя «комнатных туфель» сохранялся в русских городах и в первой половине XIV в.

Обувь со швом на подошве, в определенной степени, была этапной в моделировании древнерусской обуви. Можно считать, что она была распространена гораздо шире, чем выделена в настоящее время в археологических материалах (Курбатов, 2007. С. 98). В свете современных знаний появление такой мягкой обуви в русских городах можно объяснять культурными связями с народами Северного Кавказа. В этом регионе она бытует значительно дольше, чем в других местах (Курбатов, 2018. С. 337 и сл.). Мягкие кожаные чулки и башмаки со швом на подошве, например, носили адыго-черкесы в XIX — начале XX в. (Левашева, 1953. С. 192). Однако традиции пошива подобной обуви в древности, видимо, были значительно шире, поскольку в этнографическом материале горных таджиков первой половины XX в. также отмечены мягкие сапоги — *чоруки* — с подошвой, две половины которой сшиты по длинной оси детали (Рассудова, 1970. С. 27–28, рис. 7).

Большое значение имеет датировка комплекса кожаных изделий с Рюрикова городища. В работе 2007 г. автор предложил для него два хронологических периода, определяемых в сопоставлении исторического и археологического контекста. Широкий временной диапазон — это последняя четверть XI — первая половина XII в., а узкая — рубеж XI/XII — первая треть XII в. (Курбатов, 2007. С. 103). Раскопки 2010 г. на Рюриковом городище дали возможность еще «сузить» такую «амбразуру» на основе уточнения времени засыпки рва.

Рис. 1. Рюриково городище. Набор деталей и реконструкция мягкой кожаной обуви из раскопа 2002 г. с продольным швом на подошве (1.1–1.6); детали верха и подошва мягкой туфли асимметричного кроя (2.1–2.3) (Курбатов, 2007. Рис. 13)

Fig. 1. Ryurik Gorodishche. Set of details and reconstruction of soft leather footwear from excavation of 2002 with a lengthwise seam on the sole (1.1–1.6); details of the top and sole of a soft shoe of asymmetric cut-out (2.1–2.3) (Курбатов, 2007. Fig. 13)

По мнению исследователей, он был окончательно сnivelирован в самом начале XII в., при подготовке к началу строительства церкви Благовещения в 1103 г. (Носов и др., 2015. С. 63). Время выброса в ров скопления кожи может быть максимально сокращено — в рамках последних нескольких лет XI в. и первых трех лет XII в. Таким образом, здесь мы столкнулись с редкой возможностью установления погодичных хронологических границ для отложений археологических наборов кожаных вещей. Первый такой случай представился при изучении коллекции кожи в Пскове и связан с датировкой деятельности кожевенной пошивочной мастерской на Петровских раскопах (Курбатов, 2008а. С. 210 и сл.).

В дальнейшем сделанное для коллекции с Рюрикова городища хронологическое уточнение

было использовано при датировании находок на посадке Ладоги. В 2015 г. охранные раскопки здесь велись на Варяжской улице при устройстве спуска к берегу Волхова от памятника основателям Русского государства князьям Рюрику и Олегу Вещему. Вторым объектом работ была серия шурфов, в одном из которых был найден предполагаемый набор башмака (рис. 3), по техническим и стилистическим признакам конструкции отнесенный к XII в. Учитывая характерные технические признаки — качество кожи, форму деталей, технику раскроя и пошива изделия, ладожский башмак имеет прямое соответствие в коллекции с Рюрикова городища. Более того, можно предполагать, что он был пошит новгородским мастером, имевшим ту же выучку, что и мастер, выбросивший отходы на Городище. Учитывая это, пошив

Рис. 2. Рюриково городище. Наборы деталей «комнатной туфли» и мягкой туфли (конструкция 2) (Курбатов, 2007. Рис. 13)

Fig. 2. Ryurik Gorodishche. Set of details of a 'house shoe' and a soft shoe (design 2) (Курбатов, 2007. Fig. 13)

ладожского башмака можно датировать очень коротким промежутком времени — последними годами XI — первыми годами XII в.

Видимые и осязаемые признаки кожи с Рюрикова городища, отмеченные при обработке коллекции, дали толчок аналитической работе по реконструкции древних способов выделки сырья. В частности, были выделены обрезки и детали обуви с тиснением поверхности кожи в форме выпуклых округлых мелких «зерен» с неотчетливыми краями. Тиснение наблюдалось на многих предметах, что позволяет говорить о внедрении такой отделки поверхности в практику новгородских кожевников. Определилась и необходимость классификации формы оттисков. Обработка других коллекций кожаных предметов, в частности из Тверского кремля последней четверти XIII — первой половины XV в., показала наличие редкого варианта тиснения в виде мелкой «сеточки»

с достаточно отчетливыми краями тисненых линий. Поиски аналогов на широком географическом фоне помогли выделить и обосновать существование в русских средневековых городах привозной кожи «булгара», которую позднее русские мастера стали выделывать сами, по крайней мере с XVII в., в Казани, Ярославле и других городах (Курбатов, 2010. С. 447 и сл.).

Иную выделку имели 15 обрезков конских шкур в городищенской коллекции, имевшие толщину 0,8–0,9 мм. Среди разных сортов кож конские отличались большей плотностью и гладкостью внешней поверхности — *мереи*. И поверхность, и внутренние слои этих обрезков имели светло-коричневый цвет, даже с ярко-красным отливом, хотя один из обрезков определенно имел темно-вишневый оттенок. В цветовом отношении эти фрагменты отличаются от остальной коллекции, для которой характерно намеренное

Рис. 3. Старая Ладога, Посад. 2015 г. Наборы и отдельные детали кожаной обуви: 1.1–1.3 — набор деталей мягкой туфли; 2.1–2.7 — набор деталей скрешня, перешитого из сапога; 3 — кожаный поршень; 4 — отдельная подошва сапога
Fig. 3. Staraya Ladoga, Posad. 2015. Sets and separate details of leather footwear: 1.1–1.3 — set of details of soft shoe; 2.1–2.7 — set of details of a skreshen-shoe altered from a boot; 3 — leather porshen (sandal); 4 — separate sole of a boot

придание коже черного цвета, что можно объяснить выдерживанием сырья в настое железного лома.

Все выделенные 15 обрезков изначально были частью одного крупного изделия с аппликацией (Курбатов, 2007. С. 90, 91, 96). Его условно можно считать попоной или потником, скроенным из тонкой конской? кожи (рис. 4). Самый крупный фрагмент имеет участок первоначального края изделия (рис. 5). Этот край прямо обрезанный, с рядом сдвоенных мелких отверстий сквозного шва. Сдвоенность отверстий происходит от не попадания иглой в прежнее отверстие во время прокалывания кожи с внутренней и внешней стороны изделия. На одном из мелких обрезков имеется относительно крупное отверстие (около 1,0–1,5 мм), окруженное очень мелкими отверстиями шва. Это крупное отверстие служило для пропуска в него узкой завязки, конец которой пришивался на коже с внутренней стороны (рис. 4, 22). На другом мелком обрезке имеется вторичный разрез, со следами нашитой поверх него

заплатки (рис. 4, 23). На всех деталях попоны отверстия швов для аппликации очень мелкие, до 0,2–0,4 мм, с круглыми — невытянутыми — краями. Это, а также отсутствие растяжения пришитых деталей, свидетельствует об использовании тонкой иглы и очень тонкой нити — возможно, шелковой.

Выделенные фрагменты крупного изделия позволяют поставить вопрос о визуальных отличиях особого сорта кожи в материалах рубежа XI–XII вв. — сафьяна, который ранее в археологических коллекциях русских средневековых городов не выделялся.

Сафьян — это дубленая козловая, баранья или конская кожа. М. Фасмер выводит слово из тюркских языков, связывая его с персидским *saxt* — «крепкий, жесткий» (Поварнин, 1912. С. 229; Фасмер, 1996. Т. III. С. 566). В русских источниках много примеров использования сафьянов для переплета книг, покрытия седел и их частей — крыльцев, а также пошива обуви — сапог и башмаков. Встречаются и единичные упоминания

Рис. 4. Рюриково городище. Разные изделия из кожи: 1–6, 13 — обшивка края изделий; 7, 8 — ремни-петли; 9 — чехол (?); 10 — накладка (?); 11 — завязка; 12 — заплатка; 14–26 — фрагменты попоны (?) (Курбатов, 2007. Рис. 1)

Fig. 4. Ryurik Gorodishche. Various leather articles: 1–6, 13 — edge trimming; 7, 8 — belts/loops; 9 — case (?); 10 — mount (?); 11 — lace; 12 — patch; 14–26 — fragments of a horsecloth (?) (Курбатов, 2007. Fig. 1)

покрытия саадаков, кишени для налучи, подкладки в клубочки для ловчих птиц, чулок, летника, оклейки *крабиц* (коробок или ларцов для хранения ценностей), несессеров, перечниц, шкатулок, дверей, стоек в хоромашах. Сафьяны делались разных цветов — белые, желтые, красные, лазоревые, светло-зеленые, зеленые, рыжие, чубарые, вишневые, алые.

В отечественных научных работах встречается тезис о собственном производстве сафьянов в средневековых русских городах, что нельзя признать правомерным. Самым ранним упоминанием возможной выделки сафьяна служит запись 1665 г.: «Сафьянному деляру дано... два аршина сукна» (СлРЯ XI–XVII вв., 1977. С. 212). По документам, в 1666 г. в дворцовом хозяйстве Алексея Михайловича на Москве-реке был открыт первый сафьянный завод. В течение 10 лет он поставлял сафьяны для «государевых» мастерских и в свободную продажу и был закрыт после смерти Алексея Михайловича из-за низкой рентабельности и плохого качества кож. Из источников видно, что сафьяны в России на протяжении XVII и всего XVIII в. были преимущественно или полностью привозными. Книги московской таможни за 1693–1694 гг. показывают, что большие

партии сафьянов часто везли в Москву из Астрахани (Курбатов, 2008б. С. 248–249; Книги..., 1961. С. 65, 67; Фёдоров, 1887. С. 9). На этом фоне остается непонятной фраза из статейного списка посольства Спафария в Китай в 1675–1678 гг.: «Так же спрашивал (Асканьяма) есть ли кто, чтобъ уметь делать сафьяны, и посланникъ ему сказалъ, что здесь такихъ мастеровъ нетъ, а въ Московскомъ царстве есть много» (Ларин, 1948. С. 267).

В статье М. М. Тихвинского в «Энциклопедии» Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона отмечается, что сафьяном «в собственном смысле называют кожу козы, продубленную сумаком и выкрашенную в какой-нибудь из ярких цветов». Там же подробно рассмотрена техника выделки. Но здесь следует помнить, что мы имеем дело с развитой технологической цепочкой выделки кож конца XIX в., а не средневековой. Главным материалом для дубления служила, как и ранее, кора сумака. «После этого шкура тщательно вымывается и пускается через 2–3 соковых чана из старого сумачного сока, после которых следует собственно дубление сумаком. Это последнее совершается во вращающихся барабанах, куда вводятся подготовленные шкуры, теплая вода и порошок сумака. Дубление оканчивается в 1,5–2 суток. Окраска С. <...> В красный

Fig. 5. Ryurik Gorodishche. Large leathern object (horsecloth?) from excavation of 2004 (*Курбатов*, 2007. Fig. 2). Drawing and photo

цвет С. красится обыкновенно кошенилью перед обработкой сумачными соками... Двух ванн обыкновенно достаточно, чтобы придать товару ярко-красный цвет... Низшие сорта С. готовятся из овечьих и телячьих шкур... Дубление совершается ивовой, дубовой или сосновой корой. Этот род С. часто окрашивается в черный цвет...» (Тихвинский, 1900, С. 479–480).

Сумак, или сумак (*Rhus*) — дубильное и красильное растение семейства анакардиевых (*Anacardiaceae*). Название заимствовано через немецкий из арабского языка, где слово *samtaq* имеет то же значение (Фасмер, 1996. Т. III. С. 802; Даль, 1882. С. 360). Имеет много разновидностей, распространенных преимущественно в субтропическом климате. Из них наибольшее значение для крашения и дубления имеют *Rhus coriaria*, *Rhus cotinus*, *Rhus glabra*, *Rhus Canadensis*, *Rhus typhina* и *Rhus uva ursi*. Издавна культивируется в южных регионах Европы. В диком состоянии известен в Крыму и на Кавказе. «Ценность С. находится в прямой зависимости от содержания в нем танина или, вернее, сумакодубильной кислоты, так как эта последняя не тождественна с дубильной кислотой из чернильных орешков или танином...». В конце XIX в. в кожевенном производстве применялся для дубления только тех сортов кож, которые не должны подвергаться действию воды, то есть которые идут для выделки портмоне, чемаданов, чехлов и т. п. (Коржинский, 1901. С. 61; Лидов, 1901. С. 55–56).

Отечественные историки внесли, на наш взгляд, некоторую путаницу в вопрос об использовании сафьяна в древнерусской культуре и о возможности его выделки в древнерусских городах. Например, вариантом средневекового сафьяна, привозимого в русские земли, историки и филологи называют *тим* — «выделанная козлиная кожа; сафьян» (СлРЯ XI–XVII вв., 2011. С. 345). Однако анализ письменных источников позволяет считать *тим* особым сортом кожи — вариантом кож *квасцевого дубления*. Иноземное производство *тимов* обосновывает редкость упоминаний этого сорта в письменных источниках и его употребление в обиходе правящей группы населения — князей, бояр, высших иерархов церкви. Ранее всего *тим* назван в новгородских берестяных грамотах № 261–264, датируемых 70–90-ми гг. XIV в. Перечисление кож среди дорогих предметов говорит о высоком социальном статусе дарителей (Зализняк, 1995. С. 510–511;

Янин, 1975. С. 140–142). Затем *чоботы тимовы* упомянуты в завещании углицкого князя Дмитрия Ивановича 1521 г. Далее в расходной книге новгородского Дома Святой Софии 1601 г. записано: «Дано Вешняку звонцу за тим и за подошвы за приклад шесть алтын две деньги» (Пронштейн, 1957. С. 53). Показательно упоминание *тима* среди других сортов кож (дубленых и сыромятных), что доказывает их различие. Здесь разный цвет *тимов* надо считать искусственной окраской (Бахрушин, 1952. С. 77). В 80-е гг. XVI в. в Новгороде эти кожи делали не менее восьми *тимовников* и были особые обувщики, шившие *тимовую* обувь (СлРЯ XI–XVII вв., 1988. С. 223; 2008. С. 80). Название *тим* не доживает до XIX в. даже в диалектах и отсутствует в книге кожевника-технолога Г. Поварнина (Поварнин, 1912. С. 230–231).

Еще один сюжет вскрыт при изучении коллекции кожи с Рюрикова городища и также связан с технологической составляющей кожевенного ремесла. При размыве некоторых деталей обуви было отмечено, что находки из одного места после длительного (в течение 3–4 суток) размачивания придали воде рыжевато-коричневый цвет, тогда как находки из другого места дали воде светло-коричневый цвет с зеленоватым отливом. Возможно, это связано с длительным нахождением кожи в слое с древесными остатками (в первом случае) или в слое с навозом (во втором случае). Но нельзя исключать и вероятность обработки кож при выделке различными настоями — танидами или шакшей (разведенные в воде экскременты животных). В последующем наблюдения подтвердили вероятность использования для дубления экскрементов собак, которые придавали коже зеленовато-серый отлив. В отличие от Руси, в Западной Европе кожевники широко практиковали шакшевание (Шевеленко, 1993. С. 145).

Из других наблюдений городищенской коллекции можно отметить, что детали верха обуви, кроенные из толстой кожи (1,8 мм и толще), имеют черный цвет поверхности (лицевой и оборотной) и коричневый — внутри. Это хорошо заметно на стертых участках лицевой поверхности. Такие кожи также расслаивались, но внутренние отслоившиеся участки, как правило, сохранялись. Можно предполагать, что качество дубления этих кож было выше, чем тонких. Подобное совершенствование было возможно при увеличении времени дубления или использовании кислых настоев для предварительного размягчения кожи.

К таким настоям надо относить «квас уснийн». Однако применение кислых настоев для размягчения кожи перед дублением — как отдельная стадия технологического процесса — остается под вопросом.

Качество сырья кожаных предметов с Рюрикова городища соответствует изменениям, которые происходили в составе кожевенного сырья в XI–XIII вв. в странах Западной Европы. Так, Гренман-ван Ваатеринге, рассматривая кожевенные материалы из Свендборга XII — начала XVI в., писал, что шкуры КРС, под которыми исследователь понимает только шкуры взрослых особей животных, являлись наиболее употребительным кожевенным материалом для всех веков. За ним по степени употребимости следовал телянок. Только в XII–XIII вв. иногда использовались и другие виды — овца (1 экз.) и олень (4 экз.) (*Groenman-van Waateringe*, 1988. S. 71). Надо полагать, что в более раннее время, видимо, преобладали шкуры молодых животных — телят, козлят или ягнят. Ю. Сванн пишет более осторожно о тенденциях смены сырья. По ее мнению, преобладание в сырье коровьих шкур над козьими становится очевидным только к концу раннесредневекового периода, то есть, по европейской хронологии, к концу XIII в. (*Swann*, 2001. S. 52).

В целом, для своего времени, вся кожа коллекции с Рюрикова городища по качеству выделки может быть отнесена к продукции кожевников достаточно высокой квалификации. Но, вопреки сложившемуся мнению, технологическая основа выделки кож была еще сильно упрощенной и, можно сказать, примитивной. Преобладание в коллекции тонкого сырья с признаками неглубокого продуба показывает отсутствие подготовительных для дубления стадий, на которых сырье размягчается и разрыхляется для лучшего проникновения таннидов в глубокие слои коллагена. Также надо предполагать отсутствие *залички* — обработки кож старыми соками дубителя, имеющими мало дубильных ферментов. На этой стадии танниды должны постепенно проникать в глубинные слои кожи и равномерно связывать мельчайшие волокна коллагена — *фибриллы*. В дальнейшем это способствует глубокому проникновению таннидов при дублении кож в новых настоях. В отсутствие *залички* начальное дубление в новых соках приводит к быстрому связыванию поверхностных коллагенов кожи и мешает проникновению таннидов в ее глубинные слои.

По качеству выделки в коллекции выделяется материал единственного поршня. Кожа его относительно плотная, толщиной 1,5–2,0 мм. На боковых участках с внутренней стороны, там, где бахтарма не была стерта при эксплуатации, сохранился выразительный слой мездры, которая обычно при выделке тщательно выскабливается. Этот слой рыхлый и имеет светло-коричневый цвет, то есть относительно плохо продублен. Неглубокий продуб и плохо удаленная пленка с внутренней стороны, а также род обуви позволяют предполагать его изготовление мастером более низкой квалификации или же непрофессиональным кожевником.

Историко-культурная интерпретация

Коллекция кожаных изделий с Рюрикова городища имеет особый интерес для изучения кожевенного ремесла и развития кожаных изделий в городах Северо-Западной Руси. Она отражает те периоды, которые плохо представлены в археологических коллекциях других городов региона. Здесь встречены изделия IX–X вв., имеющиеся только в Старой Ладоге, и второй половины XI — первой половины XII в., определенно датируемые в Старой Руссе, где раскопки последних лет дали представительные материалы сопоставимые с находками с Рюрикова Городища. Дальнейшее изучение этих трех памятников может привести к созданию очень детальной хронологии кожаных изделий для домонгольского периода Руси.

Заключение

Работы 1994 и 2001–2004 гг. на Рюриковом городище, кроме прочего, дали интересную коллекцию изделий из кожи, преимущественно кожаной обуви. Хронологический диапазон находок — от рубежа IX–X вв. до XIII–XIV вв. Основная часть предметов может быть отнесена к рубежу XI–XII вв. Эта коллекция отражает различные периоды жизни на Городище, отражая специфику жизнедеятельности этого поселения. В первую очередь, кожаные изделия надо рассматривать как индикатор сложения и развития самостоятельного ремесленного производства в Новгороде и Новгородской земле. Конструктивный и стилистический анализ обувных конструкций в сочетании с оценкой всего массива кожаных предметов, включая обрезки, позволяет выделить один из основных переломных моментов в организации кожевенного ремесла в Новгороде. Этот переломный момент

отражается и в других материальных свидетельствах по различным ремеслам и домостроительству. Более того, технические и стилистические изменения в кожевенной продукции, происходящие в Новгороде в середине — второй половине XII в., быстро распространяются и в других городах Новгородской земли и даже в других княжествах, с которыми Новгород поддерживает постоянные торговые связи.

Для изучения социальной организации ремесла нельзя забывать, что город в средневековье следует рассматривать, прежде всего, как центр мелкотоварного производства, где новый экономический уклад возникает именно в производстве, а не в сфере обращения. Это справедливо как для Западной Европы, так, надо полагать, и для Руси. Но в отличие от западноевропейских городов в древнерусских противостояние горожан и сеньоров (в нашем случае — князей) не было оформлено правовыми нормами. В частности, Т. М. Негуляева по этому вопросу отмечала, что торговля была неотъемлемой составной частью городской экономики, но сама по себе не обеспечивала устойчивости новых городских социально-экономических начал жизни. Купцы были богаче, но большинство городского населения составляли ремесленники, даже в таких торговых центрах европейского масштаба, как Кельн или Страсбург. В первую очередь, деятельность ремесленников, их экономические и социальные потребности как самостоятельных товаропроизводителей вызвали к жизни городское право (Негуляева, 1989. С. 9–10). Показательным примером является изучение активного социального движения в Кельне, который относительно рано и быстро превратился в крупный торгово-ремесленный центр. Первые акты коммунального движения в нем относятся к XI в., а руководящей силой выступило купечество (Солодкова, 1989. С. 25; 2000. С. 86 и сл.).

До настоящего времени огромный объем накопленного археологического материала недостаточно рассматривался в связи с фундаментальными политическими событиями в Новгороде. Порой трудно представить, какими причинами вызывается смена форм тех или иных бытовых изделий, изобразительных стилей в оформлении различных предметов быта и многое другое в материальной культуре. Тем не менее логическая связь между бытовой материальной культурой и политическими событиями может быть не только построена, но и подкреплена наблюдениями.

Ее отмечали в своих работах В. Л. Янин и Б. А. Колчин. Они писали, что взаимозависимость землевладения, торговли, ремесла и политического строя наглядно видна, например, в исторических обстоятельствах второй половины XI — начала XII в., когда переход от ремесленного производства на заказ к производству на рынок потребовал резкого увеличения массы импортируемого сырья, а активизация его ввоза повлекла увеличение государственной территории за счет продвижения в Заволочье — основной район доходных промыслов. С этими процессами естественным образом связывается и стремительное усиление новгородского боярства, именно в это время создавшего органы своей государственности. К этому же времени относится и организация в Новгороде первых иноземных торговых дворов, и консолидация крупнейшего новгородского купечества в рамках гостинной корпорации — Ивашьского ста (Янин, Колчин, 1978. С. 34; Колчин, Янин, 1982. С. 91, 122–124 и сл.).

Впервые эту позицию изложил в 1975 г. Б. А. Колчин на Конгрессе славянской археологии в Братиславе, давший общую характеристику становления и развития ремесла в русских средневековых городах на примере Великого Новгорода (Колчин, 1975. С. 53 и сл.). Оценка технического строя ремесла, производительности труда, объема продукции и товарности ремесленных изделий на новгородском рынке позволила ему разбить историю ремесла на четыре периода, из которых первый период ограничивается серединой X — 20–30 гг. XII в.

Уже в X в. ремесло, по Б. А. Колчину, характеризуется достаточно высокой технологией производства и значительной специализацией внутри отдельных отраслей. А это служит основанием для того, чтобы говорить о сложении товарного ремесленного производства и предполагает сложение торгового сбыта ремесленной продукции на древнерусских землях.

В противовес мнению Б. А. Колчина о времени товаризации новгородского ремесла А. С. Хорошев изложил иное видение: «Ремесленное развитие Новгорода имело, по крайней мере, до XIII столетия, ярко выраженный вотчинный характер. Только на рубеже XIII–XIV столетий происходит переход от работы на заказ к работе на рынок. Эта тенденция проявляется как резко возросшей серийностью ремесленного производства, так и снижением качества продукции, поступающей на рынок» (Хорошев, 2000. С. 20).

В связи со сложением городского права надо рассматривать народные волнения в русских городах в XI в., которые традиционно видятся историкам как языческие пережитки. Но правильнее будет ставить вопрос о сложении городских общин в это время и отстаивании ими своих экономических интересов. Об этом упоминают современные авторы в трактовке событий в Новгороде 1071 г., когда там объявился некий «волхв». В летописи это событие представлено в свете борьбы христианства и остатков язычества. При этом не совсем ясно, почему осуждавшим волхва князю Глебу с его дружиной и епископу Федору противостояли не только рядовые новгородцы, а «все люди», то есть вся городская община Новгорода, включая местных бояр богатых купцов, ремесленников и прочих. В связи с этим И. Я. Фроянов определенно заключил: «Перед нами столкновение городской общины с высшими властями — епископом и князем» (Фроянов, 1995. С. 165). На это обращают внимание и современные исследователи (Пашин, Малова, 2013. С. 203; Халявин, 2016. С. 360). Возможно, следует объяснять этот мятеж более прозаическими и жизненными

причинами — сложением самостоятельного городского сообщества со своими нуждами, в том числе в области свободы ремесленного производства и торговли.

Возможно, в связи с социальными противоречиями в новгородском обществе, частично связанными с требованиями ремесленного сословия, можно рассматривать запись в Новгородской I летописи: «[1157] И вѣсташа (новгородци) на князя Мѣстислава на Гюргевиця, и начяша изгонити из Новагорода, тѣрговый же полъ сташа въ оружии по немъ» (СлРЯ XI–XVII вв., 1990. С. 188). Здесь речь идет о торговой стороне (половине) города, жители которой были довольны условиями торгово-ремесленной деятельности и вступились за князя.

Таким образом, сегодня становится более очевидным и обоснованным, что социально-политическая борьба в Новгороде 1130-х гг. должна была иметь в основе закрепление определенных прав торговой и ремесленной групп населения в сфере производства и реализации всего объема выпускаемой ремесленной продукции, как в самом Новгороде, так и за его пределами.

Антропова, 2003 — Антропова Я. В. О редком виде кожаной обуви из раскопок в Старой Руссе // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2003. Вып. 17. С. 265–272.

Антропова, Торопова, 2001 — Антропова Я. В., Торопова Е. В. Средневековая кожаная обувь Старой Руссы: первые результаты исследований // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2001. Вып. 15. С. 245–257.

Бахрушин, 1952 — Бахрушин С. В. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII в. // С. В. Бахрушин. Научные труды. М.: Изд. АН СССР, 1952. Т. I. 263 с.

Даль, 1882 — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М.: Тов. М. О. Вольф, 1882. Т. IV. 704 с.

Зализняк, 1995 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки русской культуры, 1995. 720 с.

Книги..., 1961 — Книги Московской Большой таможни 1693–1694 гг. Новгородская, Астраханская, Малороссийская. М.: Советская Россия, 1961 (Тр. ГИМ; Вып. 38). 118 с.

Колчин, 1975 — Колчин Б. А. Становление ремесла древнего Новгорода // ТД советской делегации на

III МК славянской археологии (Братислава, сентябрь 1975 г.). М.: Наука, 1975. С. 53–58.

Колчин, Янин, 1982 — Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 3–137.

Коржинский, 1901 — Коржинский С. Сумах // Энциклопедический словарь / Сост. Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. СПб.: Семеновская Типолитография, 1901. Т. XXXII. С. 61.

Курбатов, 2004а — Курбатов А. В. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 311 с.

Курбатов, 2004б — Курбатов А. В. Кожаные предметы из раскопок на Рюриковом Городище в 2001–2002 гг. // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. № 11. С. 218–225.

Курбатов, 2007 — Курбатов А. В. Новгородская «революция XII века» и прогресс в кожевенном ремесле // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник: Материалы МНК

- (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия). СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 89–133.
- Курбатов, 2008а — Курбатов А. В. О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // ЗИИМК. 2008. № 3. С. 210–233.
- Курбатов, 2008б — Курбатов А. В. Музееведение и археология — две составляющих в изучении древнерусской моды и кожевенного ремесла. Рец. на: Осипов Д. О. Обувь московской земли XII–XVIII вв. 200 с.; 323 ил. 2006. М.: ИА РАН (Материалы охраняемых археологических исследований. Т. 7) // АВ. М.: Наука, 2008. № 15. С. 246–254.
- Курбатов, 2010 — Курбатов А. В. О городе Болгар и сорте кожи «булгари» // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 447–452.
- Курбатов, 2018 — Курбатов А. В. Традиции кожаных изделий Среднего Поволжья и Северного Кавказа в материальной культуре Руси // Культурное наследие Российского государства. СПб.: ВООПИК, 2018. Вып. VII. С. 377–391.
- Ларин, 1948 — Ларин Б. А. Парижский словарь московитов 1586 г. Рига: Латв. гос. ун-т, 1948. 211 с.
- Левашева, 1953 — Левашева В. П. Белореченские курганы // Археологический сборник. М.: Госкультпросветиздат, 1953 (Тр. ГИМ; Т. 22). С. 163–213.
- Лидов, 1901 — Лидов А. П. Сумак // Энциклопедический словарь / Сост. Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. СПб.: Семеновская Типолитография, 1901. Т. XXXII. С. 55–56.
- Негуляева, 1989 — Негуляева Т. М. Условия возникновения средневекового городского права // Средневековый город: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1989. Вып. 9. С. 3–18.
- Носов, 1990 — Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) Городище. Л.: Наука, 1990. 216 с.
- Носов и др., 2001 — Носов Е. Н., Михайлов К. А., Васильев С. А., Дорофеева Т. С., Медведева М. В. Новые исследования на Рюриковом Городище в 2000 г. // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2001. Вып. 15. С. 11–15.
- Носов и др., 2003 — Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Еремеев И. И., Медведева М. В., Хвоцинская Н. В., Юшкова М. А. Исследования Рюрикова Городища и поселения Шкурина Горка в 2002 г. // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2003. Вып. 17. С. 19–22.
- Носов и др., 2015 — Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Хвоцинская Н. В. Итоги исследования Рюрикова городища под Новгородом в 2010–2012 гг. // АО 2010–2013 годов. М.: ИА РАН, 2015. С. 63–64.
- Пашин, Малова, 2013 — Пашин С. С., Малова А. Н. К вопросу о народных волнениях в Новгороде 1071 года // Новгородика 2012: Материалы IV МНК. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2013. С. 201–205.
- Поварнин, 1912 — Поварнин Г. Г. Очерки мелкого кожевенного производства в России. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. Ч. 1: История и техника производства. 270 с.
- Проништейн, 1957 — Проништейн А. П. Новгород Великий в XVI в. Очерк социально-экономической и политической истории русского города. Харьков: Изд-во Харьковского гос. ун-та, 1957. 288 с.
- Рассудова, 1970 — Рассудова Р. Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Заравшана // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л., 1970 (Сб. МАЭ; Т. XXVI). С. 16–51.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. 403 с.; М., 1988. Вып. 14. 311 с.; М., 1990. Вып. 16. 294 с.; М., 2008. Вып. 28. 302 с.; М., 2011. Вып. 29. 477 с.
- Солодкова, 1989 — Солодкова Л. И. Складывание торгово-ремесленного центра в Кельне в XI–XIII веках // Средневековый город: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1989. Вып. 9. С. 18–25.
- Тихвинский, 1900 — Тихвинский М. М. Сафьян // Энциклопедический словарь / Сост. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1900. Т. XXVIII. С. 479–480.
- Фасмер, 1996 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Изд. 3-е. Т. I–IV. СПб.: Азбука, ИЦ «Терра», 1996.
- Фёдоров, 1887 — Фёдоров И. А. О состоянии сафьянного дела при царе Алексее Михайловиче. Тверь: Изд-во ТУАК, 1887. Вып. 1. 23 с.
- Фроянов, 1995 — Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб.: Златоуст, 1995. 701 с.
- Халявин, 2016 — Халявин Н. В. Явление волхва в Новгороде в 1071 г. в оценках отечественных историков // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. СПб., 2016. Вып. 5. С. 351–366.
- Хорошев, 2000 — Хорошев А. С. Культурный слой Новгорода как экологическая структура // Проблемы истории России. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. Вып. 3: Новгородская

- Русь: Историческое пространство и культурное наследие. С. 12–25.
- Шевеленко, 1993 — Шевеленко А. Я. Технология городских ремесел в Западной Европе VI–XV веков // ВИ. 1993. № 1. С. 140–152.
- Янин, 1975 — Янин В. Л. Я послал тебе бересту... Изд. 2-е. М.: Изд. МГУ, 1975. 236 с.
- Янин, Колчин, 1978 — Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 5–54.
- Groenman-van Waateringe, 1988 — Groenman-van Waateringe W. Een prehistorische schoen uit Klazienveen // Varia bio-archaeologica. Groningen, 1988. N 74. P. 34(146)–38(150).
- Swann, 2001 — Swann J. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien, 2001. 357 s.

A new view of an old collection

A. V. Kurbatov

The excavations of 1994 and 2001–2004 at Rurik Gorodishche have yielded an interesting collection of leather artefacts: mostly leather footwear. The chronological range of the finds comprises the span from the turn between the 9th and 10th century to the 13th–14th century. The most of the finds (463 items from leather and 1 felt fragment) are datable to the turn between the 11th and 12th century. In addition, eight of the objects were found in the fill of the latest pits and in the humic layer of the 10th century. This collection demonstrates different stages of the occupation of Gorodishche and the specifics of the life mode of this settlement.

Firstly, the leather objects must be considered as an indicator of the formation and evolution of an independent handicraft in Novgorod and the Novgorod Land. A construction and stylistic analysis of footwear designs in combination with an assessment of the entire number of leather objects including the scraps allows us to distinguish one of the main critical moments in the organisation of leather handicrafts in Novgorod. This critical period was reflected also in other material evidence on different trades and house building in Novgorod in the middle — second half of the 12th century.

The products of the Novgorod boot-making from Gorodishche include *porshni* (leathern sandals), 'home shoes', boots and the majority of the parts of soft low shoes. These have numerous parallels among the collections from Russian towns of the forest zone. 'Home shoes', as a mass type of urban footwear, were first discovered in Tver. A peculiarity of Gorodishche's find of 2002 is that it was retrieved from the earliest deposits. This item consists of six parts where the main detail covers the entire foot from the toe to the heel, whereas the additional parts served only for the increase of the thickness of the footwear and its resistance against wear. Details of footwear of a similar design were found in Novgorod and Staraya Russa where they are dated to the 11th–12th century.

The author proposed a logical opinion that the social and political struggle in Novgorod in the 1130s must have had in its basis the securing of certain rights of the commercial and manufacturing groups of the population in the sphere of production and sale of the entire quantity of manufactured products both in Novgorod itself and beyond its limits.

Until present, the enormous volume of archaeological materials has not been comprehensively considered in terms of the fundamental political events in Novgorod. It is sometimes difficult to understand what reasons led to the change of the forms of particular objects of everyday use, artistic styles in the design of different domestic objects and many other aspects of the material culture. Meanwhile, it is not only possible to identify a logical link between the domestic material culture and political events but also to confirm it through the observations first presented in works of Valentin L. Yanin and Boris A. Kolchin. They wrote about the interconnection between the land ownership, trade, manufacture and the political order. This interconnection was distinctly observable through the historical events of the second half of the 11th — beginning of the 12th century when the transition from handicraft manufacture to a demand for marketable production necessitated a sharp increase of the mass of imported raw materials whereas the activation of their importation entailed the expansion of the state territory owing to the movement to Zavolochye — the main region of profitable handicrafts. With those processes, the prompt strengthening of the Novgorod boyars is naturally connected. Exactly during that period, the latter formed the institutions of its state system. Also the organization in Novgorod of the first foreign trade *dvors* (outposts) is dated to the same period, as well as the consolidation of the major Novgorod merchants within a trade corporation — Ivanskoye Sto.